

УДК 172; 304.4; 355.01

ТЕОРИЯ СОЦИАЛЬНОЙ ВОЙНЫ МИШЕЛЯ-ПОЛЯ ФУКО: КРИТИЧЕСКИЙ АНАЛИЗ

И.В. Степанов

ФГБОУ ВО «Самарский государственный технический университет», г. Самара

В статье представлен сбой критический анализ теории социальной войны Мишеля-Поля Фуко. Основопологающими идеями французского философа являются концептуализация историко-политического дискурса и биополитическая проблематика. Опираясь на ряд выводов Кревельда, Агамбена и Дейви, автор выделяет сильные и слабые стороны рассматриваемой теории.

Ключевые слова: война, власть, генеалогия, биополитика, историко-политический дискурс.

Одной из главных причин, по которой философия войны до сих пор не состоялась в качестве автономной области философских исследований, была и остается слабая коммуникативная связь между философским и военно-теоретическим знанием. Хотя полностью преодолеть сложившуюся ситуацию не удалось до сих пор, тем не менее во второй половине XX – начале XXI в. стали появляться работы философов, посвященные военной проблематике, рассматриваемой в рамках двух тематических пластов:

- 1) применение насилия и способы его ограничения;
- 2) связь политики и войны.

В данной статье мы остановимся на теории социальной войны выдающегося философа-постструктуралиста Мишеля-Поля Фуко. Поскольку он по сей день остается одним из самых влиятельных и цитируемых представителей французской мысли, а его генеалогическая методология и биополитическая концепция властных отношений не теряют своей популярности, обращение к идеям Фуко сохраняет свою актуальность.

В работе 1975 г. «Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы» Фуко пишет следующее: «Возможно, война как стратегия – продолжение политики. Но не надо забывать, что “политику” рассматривали как продолжение если не собственно и не непосредственно войны, то по крайней мере военной модели как основного средства предотвращения гражданских смут... Если есть ряд политика – война, проходящий через стратегию, то есть и ряд армия – политика, проходящий через тактику. Именно стратегия позволяет понимать войну как метод ведения межгосударственной политики; именно тактика позволяет понимать армию как принцип, поддерживающий мир в гражданском обществе» [6,

с. 206]. Тем самым французский философ пытался показать, что в XVII – XVIII вв., при переходе Европы от практики пыток и казней к практикам тюремного заключения, регулярные армии выступали важным элементом системы надзора и наказания, воплощая в себе одновременно эффективный инструмент внешней политики государства (стратегия) и образец техники муштры человеческого тела (тактика). При подобном подходе традиционный для военной теории иерархический примат стратегии над тактикой отступает на второй план, а тактические и стратегические методы предстают в качестве взаимопересекающихся совокупностей технических приемов внешнего и внутреннего контроля. Таким образом, по мнению французского философа, утверждалась механистическая модель социальных отношений, в которой функциональная эффективность была уподоблена эффективности регулярных армий с их засильем шагистики и линейной тактикой ведения боя.

Более подробно на проблеме взаимосвязи военного и историко-политического дискурса Фуко останавливается в курсе лекций 1976 г. «Нужно защищать общество». Прежде всего французский философ проясняет и защищает использование генеалогического метода: «Речь идет о восстании знаний. Не только против содержания, методов или понятий науки, речь прежде всего идет о восстании против последствий централизованной власти, которая связана с установлением и функционированием организованного научного дискурса в обществе, подобном нашему» [7, с. 29].

В начале курса Фуко выдвигает две гипотезы:

- 1) механизм любой власти сводится главным образом к репрессиям;
- 2) политика – это война, продолженная другими средствами [7, с. 29].

Основанием выдвигаемых гипотез служит противопоставление двух больших теоретических систем – юридической и силовой. Системообразующим смысловым центром первой Фуко считает схему «договор – угнетение», системообразующим центром второй схему «война – репрессии». Французский философ работает именно в рамках второй схемы, опираясь на следующие методологические правила:

- 1) производя генеалогический анализ власти, не стоит ограничивать этот анализ деятельностью институтов центральной власти;
- 2) изучать власть необходимо не в поле ее внутренних намерений, а в поле ее внешней деятельности;
- 3) не стоит рассматривать власть как феномен однородного господства одних субъектов над другими;
- 4) властные отношения функционируют как сеть, средствами их коммуникации в значительной степени являются тела;
- 5) власть производит знание, а знание производит власть. При этом знание ни в коем случае не следует отождествлять с идеологией.

Главной мишенью анализа Фуко становится дисциплинарно организованная власть, вооруженная теорией государственного суверенитета: «По правде говоря, чтобы бороться против дисциплины или, скорее, против дисциплинарной власти, а также в поисках недисциплинарной власти следовало бы обращаться вовсе не к старому праву суверенитета; обращаться следовало бы к новому, так сказать антидисциплинарному праву, которое было бы в то же время свободно от принципа суверенитета» [7, с. 59]. Основными инструментами дисциплинарной власти, позволяющими установить научно-организованный диктат, французский философ считает селекцию (исключение тех элементов научного дискурса, которые кажутся незначительными, бесполезными или слишком своеобразными), нормализацию (приведение системы знаний к единой норме), централизацию (построение здания науки в виде пирамиды, у которой имеется фундамент) и иерархизацию (соподчинение отдельных видов знания).

С точки зрения Фуко, до появления новоевропейских национальных государств военные отношения существовали внутри социального организма, а не на его периферии. Тезис «политика – это война, продолженная другими средствами» воспринимался в качестве само собой разумеющегося правила. Далее французский философ пытается показать, что сама идея суверенитета, разрабатываемая Томасом Гоббсом, скрыла свое собственное происхождение, проистекающее из завоевания власти: «Точнее, я думаю, что стратегическим визави Левиафана был способ политического использования в современной борьбе определенного исторического знания, касающегося войн, нашествий, грабежей, экспроприации, конфискаций, вымогательства, поборов и последствий всего этого, последствий всех этих военных действий, всех сражений и реальной борьбы, которые разворачиваются при наличии законов и институтов, по-видимому, регулирующих власть. Одним словом, Гоббс хотел исключить завоевание, или, точнее, использование в историческом дискурсе и в политической практике проблемы завоевания» [7, с. 112].

В XVII в. юридический дискурс суверенитета столкнулся с историко-политическим дискурсом, защищающим права аристократии и формирующим особого субъекта, понимающего свободу не как способ выражения равенства, а как способ выражения господства: «Здесь речь идет совсем не о том, чтобы встать между противниками, оказаться в центре или над ними, предложить каждому общий закон и основать примиряющий всех порядок. Речь идет скорее о том, чтобы показать право, пораженное асимметрией, указать связь истины с силой, выявить истину-оружие и особое право. Субъекта, который говорит, я не назвал бы даже полемизирующим, это воюющий субъект» [7, с. 69]. Историко-политический дискурс, тематизировавшийся вокруг норманнского завоевания Англии XI в. (Джон Селдон, Эдвард Коук) и германского завое-

вания Франции V в. (Анри де Буленвилье), имел два голоса: «Один говорил: “Мы победители, а вы побежденные. Может быть, мы иностранцы, а вы челядь”. На что другой голос отвечал: “Мы, может быть, завоеванные, но мы не останемся такими всегда. Мы у себя, а вы отсюда уйдете”» [7, с. 113].

С возникновением профессиональных армий, укреплением идеи суверенитета, появлением гегелевской диалектики государство присвоило историко-политический дискурс, проявлением чего следует считать жест Клаузевица, перевернувшего знаменитый тезис о войне и политике (подробнее см.: [2]). Согласно Фуко, Клаузевиц парадоксальным образом старается ввести войну в рамки политики и вместе с тем актуализировать военную проблематику, представляя ее в качестве главного условия выживания общества в системе политических отношений. Новый дискурс приобретает социально-биологический характер, соизмеряя мощь рас друг с другом, биополитически контролируя индивида (не заставить умереть или позволить жить, а заставить жить или позволить умереть) и рассматривая войну в качестве крайней, но необходимой и управляемой формы межгосударственной конкуренции и защиты социального организма от присущих ему внутренних опасностей.

Конечно, даже после укрепления идеи суверенитета в современном общественно-политическом дискурсе угроза гражданской войны является основной угрозой целостности этого дискурса. Но расистская ориентация, разновидностью которой Фуко считает классовую ориентацию, помогает трансформировать эту угрозу посредством сложных преобразований, формами которых Фуко считает нацизм и социализм.

Биополитическую теорию Фуко в настоящее время активно развивает итальянский философ Джорджо Агамбен. Мишенью Агамбена является юридический дискурс суверенной власти, поддерживаемый многочисленными представителями политико-правовой философии, начиная с Томаса Гоббса и заканчивая Карлом Шмиттом. Особый интерес у итальянского философа вызвала идея, сформулированная Шмиттом в работе «Диктатура» на основании анализа попыток правовых ограничений гражданских войн посредством чрезвычайного положения [8]. Смысл этой идеи состоит в том, что единственным легитимным способом противодействия внутренним и внешним политическим противникам является прерогатива законодательной и исполнительной власти вводить «политическое осадное положение», регламентированное по аналогии с положениями гражданского и уголовно-процессуального права.

Агамбен полагает, что именно режим чрезвычайного положения указывает на границу между «голой жизнью», т.е. жизнью, которую можно безнаказанно отнять, ориентируясь на принцип силы, и политическим существованием, в котором биологическая сила ограничивается правилами: «Фундаментальной категориальной парой западной полити-

ки является не оппозиция друг / враг, а голая жизнь / политическое существование, *zoe* / *bios*, исключение / включение. Политика существует потому, что человек – живое существо, которое отделяет от себя и противопоставляет себе посредством языка свою собственную голую жизнь и в то же время остается связанным с ней через включающее исключение» [1, с. 15]. Это подводит итальянского философа к выводу о том, что никакая политико-правовая система суверенитета не может существовать вне производства «голой жизни»: «Суверенное исключение как зона неразличимости между природой и правом является допущением правового отношения в форме его приостановки» [1, с. 30]. По Агамбену, современная биополитика по крайней мере в большинстве т.н. «развитых стран» очень близко подходит к воплощению идеальной для себя формы концлагеря, окруженного врагами.

Рассмотрев теорию социальной войны Фуко, дополненную биополитическими выводами Агамбена, следует указать на некоторые моменты, при ближайшем взгляде выявляющие слабость данной теории:

1. Само понимание войны, как завоевания, у французского философа носит крайне размытый характер. Первоначально смысл войны соотносится и с массовым конкурентным физическим насилием, и с массовыми репрессиями, исключаящими конкуренцию или сводящими её к минимуму. На наш взгляд, фактор конкурентности, мимо которого проходит Фуко, носит принципиальный характер для силовой теоретической системы с её биополитической направленностью, в рамках которой французский философ выстраивает свои выводы. Мы принимаем идею современного военного теоретика и социолога Мартина ван Кревельда о том, что война начинается не там, где имеет место простое физическое уничтожение одних физических лиц другими, а там, где наличествует именно конкурентное физическое уничтожение [4]. Сопоставляя выводы Агамбена и Кревельда, следует допустить, что физическое применение насилия, принимая форму массового конкурентного физического уничтожения, встраивает элементы «голой жизни» (отнюдь не всю «голую жизнь») в политику, придавая суверенности смысл, посредством оппозиции друг/враг. Как уже отмечалось выше, эта оппозиция для итальянского философа не является базовой, поэтому война, в отличие от геноцида, не становится в полном смысле слова формой производства «голой жизни». Более того, при наличии ощутимого сопротивления со стороны противника «горячая война», не утрачивая некоторых свойств производства «голой жизни» (убийства и репрессии), все же должна быть концептуально противопоставлена этой «голой жизни». Данная гипотеза может быть подтверждена выводами британского этнографа Мориса Дэйви, исследующего феномен войны в родоплеменных культурах. Согласно Дэйви, одним из важнейших факторов, ограничивающих войну системой правил, у туземных народов становятся тайные межплеменные сообщества воинов, которые организовываются

тогда, когда имеет место затянувшееся вооруженное противостояние [3]. Именно в этих обществах чужой превращается сначала просто во врага, а затем, в некоторых случаях, в союзника, т. е. наделяется свойствами политической субъектности.

2. Не удивительно поэтому то, что переходя к современному состоянию историко-политического дискурса, «война» у Фуко каким-то магическим образом лишается своих главных атрибутов (насилие, репрессии), превращаясь всего лишь в форму социальной конкуренции между общественными группами и политическими институтами. Возникает стойкое ощущение, что точно так же, как Гоббс пытался избежать тематики завоевания, французский философ пытается избежать тематики физического насилия в условиях гражданской войны, возможной даже в современных европейских странах.

Подводя итоги, следует отметить, что само применение генеалогической методологии в биополитическом тематическом поле следует признать одним из наиболее перспективных направлений философии при исследовании тех феноменов, которые теснейшим образом связаны с организованным насилием (политика, война, право). Основная заслуга Фуко состоит именно в открытии данной перспективы. Однако непосредственная попытка фукианского анализа войны вряд ли может быть признана успешной. Напоминаем, что французский философ, посредством противопоставления историко-политического и юридического дискурсов Нового времени пытался показать, каким образом государство сумело при помощи организованного физического насилия сформировать и защитить идею суверенитета, первоначально избегая обсуждения темы завоевания, которую затем присвоило при помощи гегелевской диалектики. Однако в итоге Фуко указал лишь на тот очевидный факт, что между интересами государства и общества существуют противоречия, укорененные в общественно-политическом дискурсе, чреватые делегитимизацией политического институционального применения физического насилия, делающей военный и гражданский порядки трудноразличимыми. По сути же французский философ продолжает рассматривать войну в контексте завоевательной политики, не освобождаясь от идеи суверенитета (а именно таков был первоначальный замысел). Слабое развитие получила также идея о современных тенденциях и перспективах противостояния государства и общества и таких формах социального порядка, которые не слишком сильно нуждаются в политических институтах государственного типа или даже противостоят этим институтам (например, в корпорациях или клановых сообществах). В целом можно согласиться с современным российским философом Андреем Олейниковым в том, что «эксперимент с переворачиванием тезиса Клаузевица закончился неудачно» [5, с. 40].

Список литературы

1. Агамбен Дж. Номо Сасер. Суверенная власть и голая жизнь. М.: Европа, 2011. 256 с.
2. Гегель Г.В.Ф. Лекции по философии истории. СПб.: Наука, 2005. 480 с.
3. Дэйви М. Эволюция войн. М.: ЗАО Центрполиграф, 2009. 382 с.
4. Кревельд М. ван. Трансформация войны. М.: Альпина Бизнес Букс, 2005. 344 с.
5. Олейников А. Фуко – теоретик социальной войны // Сократ. 2010. № 2. С. 36–41.
6. Фуко М. Надзирать и наказывать: Рождение тюрьмы. М.: Ад Маргинем Пресс, 2015. 416 с.
7. Фуко М. Нужно защищать общество. М.: Наука, 2005. 312 с.
8. Шмитт К. Диктатура: От истоков современной идеи суверенитета до пролетарской классовой борьбы. СПб.: Наука, 2005. 326 с.

MICHEL-PAUL FOUCAULT'S THEORY OF SOCIAL WAR: A CRITICAL ANALYSIS

I.V. Stepanov

Samara State Technical University, Samara

The article is a critical analysis of Michel-Paul Foucault's theory of social war. The fundamental ideas of the French philosopher are conceptualization of historical and political discourse and biopolitical problems. Based on some conclusions of Kreveld, Agamben and Davy, the author highlights the strengths and weaknesses of the theory.

Keywords: *war, power, genealogy, biopolitics, historical and political discourse.*

Об авторе:

СТЕПАНОВ Иван Викторович – кандидат исторических наук, доцент кафедры «Философия» ФГБОУ ВПО «Самарский государственный технический университет», Самара. E-mail: stivan1981@mail.ru

Author information:

STEPANOV Ivan Viktorovich – PhD (History), Associate Professor of the Philosophy Dept., Samara State Technical University, Samara. E-mail: stivan1981@mail.ru